

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-503-517

Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте)*

О.В. Кильдюшов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному сюжету в истории социальной мысли, получившему новое звучание в период пандемии, — дискуссии видных представителей немецкой классической философии относительно объемов понятия «полиция» как раннемодерной формы биополитического контроля. Во вводной части статьи утверждается, что критика полицейской науки и практики классиками немецкого идеализма стала парадигматической для проблематизации в рамках самосознания гражданского общества модерна новых-старых функций и возможностей санитарно-полицейского государства. В первом разделе показано напряжение между философией Просвещения и «полицейской наукой», сложившейся в рамках камералистской традиции XVII–XVIII веков, и отмечен значительный интеллектуальный вклад просветителей, прежде всего учения о праве И. Канта, в радикальные инновации политической семантики на рубеже XVIII–XIX веков, послужившие философским основанием для установления правового государства и вытеснения дискурса полицейской заботы абсолютистской власти о благе подданных. Во второй части статьи представлена краткая реконструкция попыток И.Г. Фихте на излете полицейской науки XVIII века — после эксплицитной кантовской критики не санкционированной снизу опеки государства — совместить старые идеи камералистики с новыми современными принципами индивидуальной свободы. Третий раздел статьи посвящен критике Г.В.Ф. Гегеля, часто воспринимавшегося в истории политической мысли в качестве апологета авторитарного прусского государства, — нереалистичности полицейско-научных представлений о возможности тотального биополитического контроля над социальной и экономической активностью свободных индивидов современного типа. Реконструируется гегелевский аргумент об абсурдности идеи всеохватывающего санитарно-полицейского регулирования в духе Фихте. Делается вывод о релевантности обращения к данным фигурам, понятиям и проблемному полю — для нового прочтения истории провала раннемодерной биополитической утопии в свете актуальных сюжетов на стыке карантина и суверенитета.

Ключевые слова: полицейская наука; немецкая классическая философия; биополитика; раннемодерное полицейское государство; Кант; Фихте; Гегель

---

* © Кильдюшов О.В., 2022

Статья поступила 28.11.2021 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

Академическая свобода мыслится многим просто как освобождение от всех полицейских законов; тогда как, разумеется, в академиях также должна быть полиция.

И.Г. Фихте

В условиях пандемии социальные науки оказались в структурно сложной ситуации: с одной стороны, сохраняется академическая рутина в виде более или менее упорядоченного исследовательского процесса с вполне традиционными предметными полями, с другой — социологи как непосредственные участники событий вынуждены оперативно в качестве экспертов реагировать на происходящее вокруг. Однако социология как наука о действительности не подразумевает наивно-эмпирического обращения к «самой реальности» — как будто не было предшествующей теоретической работы, зафиксированной в истории идей и дисциплинарной идентичности. Напротив, в ситуации эпистемологического вызова обостряется проблема поиска релевантных эвристических ресурсов, пусть и вне социологических источников. В этом смысле выявление социологически значимых импликаций пандемии невозможно без обращения к базовому словарю философии модерна (возвращение суверенитета, цифровое полицейское государство, пределы биополитического контроля и т.д.). Более того, при анализе событий и процессов, синхронных — как нынешняя пандемия — для изучающих их социальных ученых, существует опасность скатиться до банального комментария на злобу дня, что можно было наблюдать на примере ряда известных интеллектуалов, отчасти превратившихся в колумнистов; при этом появились и первые оценки социологических последствий эпидемии [12].

Для приращения знания современных обществ о себе (в виде адекватного описания социальных импликаций пандемии и прогноза развития ситуации) методологически полезным может оказаться диалектическое приближение к предмету через историческое дистанцирование от него. Проверенным способом занять эвристически необходимую дистанцию к проблематике дня сегодняшнего является обращение к традиции культурной рефлексии исторически отличного, но структурно схожего опыта — к попыткам концептуализации биополитического контроля в предшествующие эпохи. Один из эвристических ресурсов здесь — классическая немецкая философия, пытавшаяся в новых институциональных условиях модернизирующейся Европы переопределить границы личности, общества и государственного суверенитета. Показательным сюжетом, хотя и малоизвестным, стала проблематизация новой философией предшествовавшей ей камералистской традиции с ее ядром в виде «полицейской науки» [10]. Особенно значимой областью регулирования в полицейском дискурсе были жизнь и здоровье подданных, что получило соответствующее обозначение: *Gesundheitspolizei*, т.е. «полиция здоровья». И хотя все общества в той или иной мере осуществляют «политику

здоровья» (М. Фуко), именно в XVIII веке социальные и даже политические импликации медицины стали предметом эксплицитной рефлексии со стороны полицеистики, которая разрабатывала правила и предписания по сохранению здоровья и увеличению численности населения. В эпоху просвещенного абсолютизма здоровье и телесное благополучие поданных впервые попали в число важных целей политической власти.

Немецкие классики — И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель и др. — столкнулись с развитой *Polizeywissenschaft* во время своей академической социализации и затем по-своему «преодолевали» это теоретическое наследие. Своеобразными арьергардными боями с полицейской наукой XVIII века, переходящими в дискуссию о новом понимании баланса прав и компетенций индивида, общества и государства в Европе начала XIX века, стала полемика Гегеля с Фихте по поводу предмета и объема компетенций полиции.

С. Жижек, оперативно откликнувшийся на пандемию серией публицистических интервенций, также обратился к этому сюжету для историко-философского фундирования актуальных дебатов. В первую очередь, его интересовала судьба свободы в условиях санитарно-полицейского карантина как рамочной модели позднемодерной социальности [7]. При этом он ссылается на раннего Гегеля, который в первой своей публикации «Различие систем философии Фихте и Шеллинга» (1801) вступил в полемику с проектом полицейского государства Фихте. Молодой Гегель указал на неизбежное биополитическое следствие расширительного толкования функций полицейского государства: «жизнь впадает в зависимость, а рефлексия получает господство над ней и одерживает победу над разумом. Это бедственное состояние утверждается в качестве естественного права» [5. С. 149]. Гегель критикует дурную бесконечность тотализирующего полицейского разума у Фихте, называя его «бедствием»: «его бесконечное распространение на все проявления жизни имеет силу как абсолютная необходимость». В результате такой экспансии «не существует просто ни одного поступка, из которого последовательный рассудок этого государства не был бы в состоянии вывести возможный ущерб для других, и с этой бесконечной возможностью имеет дело профилактический рассудок и его сила — долг полиции» [5. С. 149].

Гегель показывает на примерах из Фихте, «насколько бесконечность определения становится целью в себе и теряется [в бесконечности]», вследствие чего «нет в этом идеале государства ни одного действия, которое бы с необходимостью не было бы подведено под закон, не бралось бы под непосредственный контроль и не соблюдалось бы полицией или другими правителями в такой степени, что в государстве с конституцией, созданной согласно этому принципу, полиция довольно точно знает, где находится каждый ее гражданин в любое время дня и чем занимается» [5. С. 149]. При этом Гегель иронизирует над нереалистичным инфляционированием у Фихте объема функций полицейского контроля: «Каждый гражданин найдет заня-

тие не для одного, как у прусских военных один иностранец имеет лишь одно доверенное лицо, но, по крайней мере, для полдесятка людей по надзору, расчетам и т.д.; каждый из этих инспекторов найдет людей в свою очередь и так до бесконечности; подобно тому, как любое из простейших дел порождает массу дел до бесконечности» [5. С. 150].

Жижек цитирует и другую работу молодого Гегеля — неопубликованными фрагменты 1802–1803 года, посвященные «Конституции Германии», повторяя его критику расширительного толкования полицейского интервенционизма в духе Фихте: «Между тем в новых, частично реализованных теориях господствует предубеждение, согласно которому государство рассматривается как машина, весь бесконечно сложный механизм которой приводится в действие одной пружины; все учреждения, связанные с самой природой общества, должны, согласно этим теориям, создаваться государственной властью, регулироваться ею, преобразовываться в соответствии с ее приказами и подвергаться ее контролю» [3. С. 83–84; см. также: 22]. Осуждая «стремление педантично определять все детали», Гегель призывает государство «требовать от отдельного человека только то, что ему необходимо», а остальное «предоставить своим гражданам значительную свободу в их жизни и волеизъявлении» [5. С. 77].

Жижек иронично замечает, что, несмотря на свободолюбивый пафос молодого Гегеля, вызывающий наши симпатии, в отличие от «тоталитарных» устремлений Фихте, сегодня прав может оказаться последний: «при наличии сложной цифровой сети, постоянно регистрирующей нашу деятельность, контроль, предусмотренный Фихте, сегодня не только возможен, но в значительной степени уже является фактом» [7]. Необязательно заходить так далеко, чтобы обнаружить в нынешних формах цифрового контроля реализацию тотальных представлений Фихте о внешнем надзоре за гражданами: «Цифровая регистрация всех наших действий (состояния нашего здоровья, наших пристрастий в чтении, наших мнений и предрасположенностей) в конечном счете направлена именно на то, чтобы предсказать наши нарушения закона, а затем действовать превентивно, чтобы сделать их невозможными для нас» [7]. Тем не менее, имеет смысл обратиться к полицейской утопии Фихте, вызвавшей столь резкую реакцию Гегеля. Критика полицейской науки и практики с позиций философии немецкого идеализма является парадигматической для современного столкновения самосознания гражданского общества с функциями и возможностями санитарно-полицейского государства.

Философия Просвещения и полицейская наука XVIII века

Исторически основными функциями правителя были ведение войны, заключение мира и поддержание порядка на подвластной территории (*pax et justitia*). В раннее Новое время к ним добавляется содействие приращению

богатства у подданных как ресурса самой власти. В XVIII веке появляется новая функция — устройство общества как социальной среды, способствующей телесному благополучию, здоровью и долголетию подданных. Все эти гетерогенные задачи не возлагались на конкретный государственный аппарат (специализированные ведомства), а решались посредством многообразных регламентов и институтов, получивших в XVII веке наименование *polizey*. Под «полицией» понималось не силовое учреждение современного типа, а набор механизмов принуждения, посредством которого власть пыталась вызвать в населении желаемые позитивные эффекты (сохранение порядка, управляемый рост богатства и обеспечение здоровой среды). Здоровье и телесное благополучие стали политически значимыми целями господства наряду с экономическим регулированием и поддержанием порядка и должны были обеспечиваться полицированием социального тела — в результате огосударствления медицины в XVIII веке возникла полиция здоровья (*Gesundheitspolizey*) [16].

Камералистика эпохи абсолютизма представляла собой концентрированное выражение биополитического понимания «просвещенного» господства. Понятие «*policey*» толковалось максимально широко и затрагивало практически всю жизнь подданных. «Всеобщий словарь искусств и наук» И.Т. Яблонского сообщал читателю середины XVIII века: «Если определять этот предмет как он есть, то *policey* — установление, учиненное высшей властью с тем, чтобы подданные могли иметь хорошее пропитание и все, потребное для их удобства. И этим она отличается от судебного, статского и военного дела, потому что оно имеет своей целью безопасность, *policey* же — удобство жизни» [8. С. 459]. Ему вторит крупнейший немецкий полицеист И.Г. Юсти: «Государственное искусство отвращает нас от нападения извне и охраняет нас от внутренних беспорядков и раздоров. *Policey* же обеспечивает здоровье, безопасность частной собственности и добрые нравы подданных, а также старается распространить повсюду в стране пропитание и изобилие» [8. С. 460–461], причем внешняя безопасность и внутренний покой должны были создать предпосылки для достижения подлинной цели просвещенного правителя — всеобщего благоденствия и счастья подданных.

Исходным для полицейской науки XVIII века было представление о принципиальном совпадении интересов абсолютистской монархии и ее подданных, и последние рассматривались как объект высочайшей заботы, а не как автономные и правоспособные субъекты современного типа. Полицейское государство эпохи Просвещения, несмотря на всю свою «просвещенность» и апелляцию к рациональному праву, оставалось абсолютистским в той мере, в какой принуждало подданных к «процветанию» и «благоденствию», дискурсивно маскируя преобладающий государственный интерес (*Staatsraison, raison d'état*) идеей заботы об общем благоденствии [10].

Видным теоретиком «государственного эвдемонизма» является философ немецкого Просвещения Х. Вольф, который стремился обеспечить прусскому государству легитимацию с точки зрения естественного права. Он сформулировал ключевой тезис полицейстики абсолютизма: существование полицейского государства необходимо в силу ограниченности рассудка подданных, неспособных понять свой подлинный интерес и счастье. Опираясь на аристотелевскую традицию практической философии и математические методы, он пытался дедуцировать моральные истины из принципов полноты, необходимости и целесообразности: следование этим истинам должно было привести к самосовершенствованию и счастью (*Glückseligkeit*), а тот, кто противится им, препятствует собственному совершенству [23. С. 289–290].

Альтернативное понятие полиции связано с именем немецкого правоведа И.Ш. Пюттера, которому приписывается высказывание о невозможности принудить граждан к счастью воздействием сверху. Согласно новому взгляду, основная задача полиции — не забота о благополучии подданных, а предупреждение возможных угроз. Поэтому Пюттер считается создателем применяемого до сих пор понятия полиции, из которого в духе либерального понимания автономии граждан исключалась деятельность государства по увеличению их благосостояния [15].

Таким образом, в рамках государственного эвдемонизма просвещенного абсолютизма ставкой в борьбе за *bonum commune* оказались *libertas*, первоначально увязываемые с нормативной идеей предписанного сверху счастья подданных, но все больше понимавшиеся как автономное пространство действия индивидов современного типа. Соответственно, неконтролируемая снизу концентрация власти в руках абсолютистских правителей постепенно стала восприниматься как новый источник угрозы для общего блага: неограниченность компетенций полицейского государства оказалась несовместима с идеей свободы и все больше отождествлялась с тиранией. По сравнению с медленным признанием социальных и экономических свобод подданных в духе британского либерализма распространение индивидуальных прав на политическое участие оказалось еще более проблематичным. Контрпросвещение оставило примечательные образцы аргументации в пользу полицейского интервенционизма как разумной альтернативы автономии граждан, чреватой опасностями в области политики: например, «подлинная свобода состоит не в участии в высшей власти, а в спокойном наслаждении личными правами, безопасностью и собственностью»; или: монарх делает все, «чтобы действовать осторожно и разумно на благо государства», так что «добродетель и мудрость монарха заменяют отсутствие любой политической свободы» [23. С. 325].

Как показали исследования политической семантики немецкого Просвещения, в это время появляются ключевые для модерна понятия «гражданин государства», «самоуправление» и «правовое государство», от-

развившие изменения правосознания. Несмотря на фактическое отсутствие прав политического участия, немецкие просветители реализовали максимум дискурсивного влияния на понятийный язык эпохи. Ключевая фигура здесь — И. Кант, сыгравший важнейшую роль в обнулении идейной традиции полицейского эвдемонизма: «Под благом государства подразумевается не благополучие граждан и их счастье — ведь счастье (как утверждает и Руссо) может в конце концов оказаться гораздо более приятным и желанным в естественном состоянии или даже при деспотическом правлении; под благом государства подразумевается высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами» [9. С. 350]. Установив гегемонию своей критической философии на академической сцене, Кант разрушил нормативные основания предшествующего естественного права, задачей которого было теоретическое опосредование между эмпирической природой человека и нормативным дискурсом. Политическим следствием ревизии естественно-правовых оснований вследствие кантовской критики познания стала эрозия легитимации государственного интервенционизма с помощью топоса «счастья» подданных [17. С. 27].

Через отождествление легитимного вмешательства с одобряемым всеми законом Кант сформулировал базовую идею конституционного правового государства и перевел на новый теоретический уровень формально-юридические основания для вторжения правительства в гражданскую жизнь. Дальнейшее сужение компетенций полицейского государства эпохи абсолютизма вытекало из кантовского требования ограничить деятельность государства его базовой целью обеспечения безопасности — для максимального соответствия конституции принципам права, которое Кант эксплицитно определяет как «совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого в соответствии со всеобщим законом свободы». Кантовское учение о праве быстро стало восприниматься как критическая школа с политической программой правового государства, т.е. вытеснения абсолютистского государства полицейской заботы о благе подданных. Здесь слились идеи экономического либерализма, эмансипаторный пафос Французской революции и политические требования конституционалистов. Хотя эта теория была описанием скорее желаемого, чем фактического состояния Германии, с нею связаны фундаментальные изменения в политической семантике, например, вытеснение пассивного «подданного» «гражданином», требующим права политического соучастия. Кант консервативно сузил его статус и круг интересов, но сама эксплицитная формулировка цели освобождения от не санкционированной снизу опеки государства открывала путь к развитию политико-теоретических концептов независимо от их философского происхождения. Тем любопытнее попытка Фихте на излете полицейской науки XVII века совместить старые идеи камералистики с новыми модерными принципами.

Фихте как последний философ полицейского государства

Учение Фихте о полиции представляет социологический интерес как попытка рефлексии социального порядка в контексте революционного XVIII века. В ряде сочинений он развивал оригинальную утопию полицейского государства уже в условиях кризиса немецкого абсолютизма вследствие общего модернизационного эффекта Французской революции. Фихтевский контрактуализм в духе Руссо сочетается с авторитарными тенденциями, что характерно для утопистов Просвещения и теоретиков общественного договора [20. С. 84]. В «*Основах естественного права*» (1796) Фихте предпринимает попытку дедуктивного выведения понятия полиции в системе естественного права, в свою очередь, являющейся результатом дедукции из его принципов наукоучения.

Рамочный вопрос философии права Фихте — как возможно сообщество свободных существ: он следует за повесткой Французской революции, стремясь теоретически осмыслить новую политическую практику [2. С. 84], и к нему «в полной мере можно отнести слова Маркса, сказанные им о кантовской философии: его учение тоже можно считать “немецкой теорией французской революции”» [2. С. 116]. Однако исходная идея свободы приводит Фихте к полицейскому государству тотального контроля за индивидами. С одной стороны, он во вполне современном смысле понимает объем прав и свобод правоспособных подданных, подлежащих защите со стороны государства. В духе эпохи индивиды выступают у него субъектами правоотношений, в которых воплощается их живая индивидуальность. Из реальности правовой практики вытекала логика их взаимного признания как свободных и разумных личностей, что имело значительные последствия для определения функций государства в отношении защиты и гарантий их прав. С другой стороны, Фихте мыслит биополитически, подчеркивая, что предметом заботы государства отныне является сама возможность жить в обществе.

В его утопии государство как разумно организованная общность обязано обеспечить каждому эту возможность — посредством упорядочения со стороны полиции как особого «сословия». Полиция призвана поддерживать рамочный социальный порядок, чтобы было возможно общежитие как таковое. По сути, Фихте рассматривал государство исключительно с точки зрения его полицейских функций — как административную машину, регулирующую продуктивную деятельность граждан и их объединений [1. С. 231]. В рамках утопии тотального полицейского контроля Фихте формулирует принцип прозрачности достаточно мобильного общества раннего модерна для надзирающего взгляда: «Главная максима всякой хорошо устроенной полиции: ... каждого гражданина должно быть возможно сразу же признать всюду, где это требуется, как то или иное определенное лицо: ни у кого не должно быть

возможности остаться неизвестным чиновнику полиции... Каждый должен постоянно иметь при себе паспорт, выданный ближайшим к нему властным органом, в котором была бы точно описана его личность; и это имеет силу без различия сословий» [14. С. 259].

Особое впечатление на современников, включая Гегеля, произвела идея Фихте верифицировать личность портретом в паспорте, выдаваемом полицейскими органами: «Поскольку одно лишь словесное описание личности всегда остается двусмысленным, то пусть у важных особ, которые, следовательно, могут и оплатить это, в паспорте вместо описания находится верно написанный портрет» [14. С. 259]. Фихтевский фантазм тотального контроля иногда принимает формы паноптикума: «полиция приблизительно точно знает, где находится и чем занимается в любое время дня каждый гражданин. ...Каждого можно признать сразу же на месте, при помощи описанного выше паспорта. В подобном государстве преступление есть нечто крайне необычное; ему предшествует известное необычное движение. В государстве, где все есть порядок и все идет по струнке, полиция сразу же замечает это необычное движение» [14. С. 264–265]. При этом Фихте, обнаруживая в государстве реализацию норм естественного права, не ограничивает полномочия полиции предупреждением и наказанием правонарушений частных лиц друг против друга и против государства, а продвигается в направлении тотализирующего понимания государственных функций, в частности, обеспечения морального права гражданина жить своим трудом.

В трактате «Замкнутое торговое государство» (1800) Фихте разрабатывает эксплицитный проект раннебуржуазного государства полицейского социализма [13], где государство не просто полностью контролирует, но и организует жизнь граждан, вплоть до обеспечения их трудом. При этом в нем устраняется механизм конкуренции, так что в сферу государственного регулирования попадает вся хозяйственная активность — от выбора сферы деятельности до определения вознаграждения за труд как доли в доходе. Также государственные органы должны были наделяться полномочиями осуществлять ввоз и вывоз товаров в рамках внешней торговли.

С точки зрения истории утопических идей проект Фихте интересен откровенностью и последовательностью в разработке полицейско-социалистического устройства эпохи раннего модерна. Государство из учреждения полицейского контроля превращается у него в оператора общественной жизни. В этом смысле полицейская утопия Фихте может рассматриваться как последняя стадия немецкого камерализма. Крушение полицейского государства немецкого абсолютизма во время наполеоновских войн стало для Фихте вызовом не только как для мыслителя, но и как для гражданина.

Гегель: гражданское общество против полицейского государства

В гегелевской «Конституции Германии» есть фрагменты, которые очевидно направлены против полицейской утопии Фихте, хотя тот прямо не упоминается. Гегель критикует расширительное понимание полиции: «В соответствии с государственными теориями, которые в наши дни разрабатываются так называемыми философами и провозвестниками прав человека или реализуются в виде грандиозных политических экспериментов, все то, что мы исключили из необходимого понятия государственной власти (кроме самого главного — языка, культуры, нравов и религии), подчинено непосредственной деятельности государственной власти, причем так, что она полностью определяет все эти стороны жизни и регулирует их вплоть до мельчайших деталей» [3. С. 81–82]. Такая же аргументация встречается в Предисловии к «Философии права», где Гегель упоминает Фихте как сторонника неограниченного полицейского государства, сравнивая его педантизм с платоновским: «Платон мог бы воздержаться от рекомендации нянькам не стоять с детьми на одном месте, а всегда качать их, и Фихте мог бы воздержаться от конструирования, как это тогда называли, усовершенствования паспортной системы, которое сводилось к тому, что в паспорта подозрительных лиц помещались не только их приметы, но и изображения. В такого рода измышлениях нет и следа философии, и она тем более может отказаться от подобной сверхпремудрости, что по отношению к бесконечной массе предметов она должна проявить величайшую либеральность» [6. С. 54].

При этом Гегель соглашается с Фихте, что усиливающаяся юридизация управления не сделала полицию необязательной и не редуцировала ее до задач обеспечения безопасности, как считали представители радикального направления в полицейской науке вслед за Кантом. Но Гегель не разделяет сформулированный Фихте в духе просвещенческого естественного права принцип, согласно которому полиция есть посредник между сторонами договора — подданными и государством — во всех случаях, когда подданный не может подать иск [14. С. 256]. В то же время в «Философии права» Гегель помещает полицию в раздел «Гражданское общество», а не «Государство», т.е. полиция у него далека от ее современного понимания как государственного учреждения: «Цель полицейского надзора и опеки — предоставить индивиду всеобщую наличную возможность для достижения индивидуальных целей».

Принципиальное отличие гегелевского учения о полиции в том, что неопределенное понятие полиции у Фихте абстрактно дедуцируется, т.е. спекулятивно выводится из общих философских посылок, а у Гегеля помещено в широкий контекст «нравственности» как синтеза абстрактного права и морали и в более узкий социологический контекст «гражданского общества». Гегелевское понимание полиции конкретизировано с точки зрения философии права и историко-социологически, причем социологическая конкрет-

ность характерна не только для зрелого автора «Философии права», но и для молодого Гегеля периода «Конституции Германии» и «Ваадтских писем» [4]. Полиция (вместе с корпорациями) выступает у него как инстанция имманентной нравственности гражданского общества, выполняя в первую очередь функции публичного управления, тогда как корпорации — современные организации интересов, пришедшие на смену цехам. Полиция решает задачи поддержания порядка и является органом для общественных и государственных интервенций, например, в случаях чрезвычайного роста народонаселения и промышленности. Гегель видит, что накопление богатства и массовое обнищание могут представлять угрозу социальному порядку и требуют биополитического вмешательства в стихию частных интересов [21. С. 141].

В переводе на язык современной социальной теории полиция как система социально-политических мер должна, по Гегелю, применяться там, где дает сбой упорядочивающий механизм гражданского общества (например, в конфликте интересов производителей и потребителей). В этом смысле она действует индивидуально-субсидиарно по отношению к самоорганизующемуся механизму «системы потребностей», но с точки зрения базовых социальных практик модерна является внешним порядком, т.е. не вмешивается в хозяйственную деятельность граждан, а лишь устанавливает для нее необходимые правовые и организационные рамки [19. С. 237]. В то же время Гегель все еще исходит из широкого понимания полиции и проблематизирует дискурс всеохватывающей полицейской заботы о благе и процветании граждан, указывая на отсутствие «границы в себе, которая указывала бы, что вредно и что не вредно, ... что следует запретить или подвергнуть надзору, подозрению, допросу или привлечь к ответственности». Он подчеркивает субъективность и контингентность многих полицейских мер: «из-за этих аспектов случайности и произвольных действий личности полиция становится чем-то ненавистным. При очень развитой рефлексии она может принять такую направленность, что вовлечет в сферу своего ведения все возможное, ибо во всем можно найти такое отношение, посредством которого то или иное может считаться вредным. Полиция может действовать чрезвычайно педантично и стеснять повседневную жизнь индивида».

Возобновляя полемику с Фихте, Гегель (в записи Грисхайма) однозначно дистанцируется от излишне расширительного понимания полицейского надзора: «У Фихте государство в целом есть полиция, и он совершенно не философски подходит затем к специальным вопросам. Полиция обязана знать, что ежеминутно делает каждый гражданин, где он находится, но ведь за его внутренней жизнью наблюдать невозможно. Если кто-либо покупает нож, полиция должна знать, для чего он его купил, должна следовать за ним, чтобы он не убил кого-нибудь. Путешественник сразу же вызывает подозрение, паспорта, описания его примет недостаточно для его легитимации, в паспорте должно находиться также его изображение» [6. С. 458].

Таким образом, Гегель, часто воспринимавшийся в истории политической мысли как апологет авторитарного прусского государства, убедительно показывает нереалистичность полицейско-научных представлений о тотальном биополитическом контроле за социальной и экономической активностью свободных индивидов современного типа. Он доводит идею всеохватывающего санитарно-полицейского регулирования до логического конца, до абсурда: «Если так строить рассудочное государство, то можно прийти к частностям, которые сами в себе уничтожают себя. Над полицией следует также установить надзор и т.д.». В этом отношении зрелый Гегель остается на позициях, что были высказаны им в «Конституция Германии»: «Центральной государственной власти, правительству, надлежит предоставлять своим подданным свободу во всем, что не относится к прямому ее назначению — к организации власти и ее сохранению... не может быть более священной для правительства обязанности, чем предоставление гражданам свободы в такого рода вопросах и их защита, независимо от каких бы то ни было соображений утилитарного характера, ибо эта свобода священна сама по себе» [3. С. 84].

***

Понятие «биополитика» было разработано М. Фуко на материале современной политической и полицейской практики [11]. С его помощью он реконструировал исторически уникальную попытку реализации утопии полицейского государства в абсолютистских монархиях XVIII века, получившей социально-теоретическое обоснование в немецкой «полицейской науке». В современной ситуации обращение к опыту пришедшей ей на смену немецкой классической философии может быть полезно для реконструкции проблематизации императива тотального биополитического контроля.

Примечательно, что оба выдающихся представителя немецкого идеализма стали жертвами эпидемий, ставших предметом заботы «полиции здоровья». Так, во время антинаполеоновской кампании 1813 года Фихте с женой ухаживали за ранеными в военном госпитале в Берлине, где заразились сыпным тифом, в результате чего он умер 29 января 1814 года [1. С. 212]. Гегель стал жертвой эпидемии, несмотря на ряд драконовских, но абсолютно бессмысленных санитарно-полицейских мер: он умер 14 ноября 1831 года в Берлине от холеры. Вспышка холеры в столице Пруссии произошла летом 1830 года — она была неизвестна в Европе и называлась «азиатской гидрой», поскольку местом ее возникновения считалась Индия. Не понимая природу инфекции, власти принимали решительные, но бессмысленные меры вроде тотального карантина — герметичные армейские кордоны не могли остановить распространения возбудителя через зараженную воду, но блокада границ и сухопутных торговых путей нанесла огромный экономический ущерб. Несмотря на то, что прусские врачи участвовали в борьбе с холерой в России, которая чуть раньше столкнулась с эпидемией, военные и медицинские вла-

сти проигнорировали русский опыт и рекомендовали берлинцам перейти на здоровое питание, что лишь повлекло повышение цен. Слишком поздно принятые адекватные меры привели ко множеству жертв, среди которых оказался и величайший ум эпохи. Критик безграничного полицейского надзора был со всеми почестями похоронен на Доротеенштадтском кладбище рядом со своим оппонентом Фихте.

Информация о финансировании

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Новые социальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Библиографический список

1. Виндельбанд В. От Канта к Ницше. М., 1998.
2. Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. М., 1979.
3. Гегель Г.В.Ф. Конституция Германии // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978.
4. Гегель Г.В.Ф. Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (Во) к городу Берну» // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978.
5. Гегель Г.В.Ф. Различие систем философии Фихте и Шеллинга (продолжение) // Кантовский сборник. Вып. 14. Калининград, 1989.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
7. Жижек С. Гегель и полицейское государство // URL: <https://syg.ma/@lacanalia/slavoivzhizhiek-gieghiel-i-politsieiskoie-ghosudarstvo-otryvok-iz-knighi-gieghiel-v-podkliuchiennom-mozghe>.
8. Зеллин Ф. Политика // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М., 2014.
9. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. М., 1994.
10. Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.
11. Кильдюшов О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3.
12. Филиппов А.Ф. Эпидемия: первые социологические последствия и перспективы // Россия в глобальной политике. 2020. № 3.
13. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство // Соч. в 2-т. Т. 2. СПб., 1993.
14. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М., 2014.
15. Ebel W. Der Göttinger Professor Johann Stephan Pütter aus Iserlohn (Göttinger Rechtswissenschaftliche Studien. Band 95). Göttingen, 1975.
16. Foucault M. Die Politik der Gesundheit im 18. Jahrhundert // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. 1996. Band 7. No. 3.
17. Hennis W. Zum problem der deutschen Staatsanschauung // Hennis W. Politik als praktische Wissenschaft. Aufsätze zur politischen Theorie und Regierungslehre. München, 1968.
18. Kobe Z. The interface of the universal: On Hegel's concept of the police // Philosophy and Society. 2019. Vol. 30. No. 1.
19. Maier H. Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre, 2. München, 1980.
20. Saage R. Vertragsdenken und Utopie. Studien zur politischen Theorie und zur Sozialphilosophie der frühen Neuzeit. Frankfurt am Main, 1989.

21. *Schnädelbach H.* G.W.F. Hegel. Hamburg, 1999.
22. *Schlözer A.L.* Allgemeines Staatsrecht und Staatsverfassungslehre. Göttingen, 1793.
23. *Stolleis M.* Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 1: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800. München, 1988.

The police state as a symptom: German classical philosophy and modern biopolitics (Hegel vs Fichte)*

O.V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Abstract. The article considers a little-known topic in the history of the social thought, which has regained relevance under the pandemic — the discussion between the outstanding philosophers of the German idealism on the conceptual interpretation of police as an early-modern form of biopolitical control. In the introductory part, the author argues that the critique of the science and practice of policing by the classics of the German idealism is paradigmatic for the present-day study of the new/old functions and powers of the sanitary-police state concerning the modern civil society’s self-reflection. In the first part, the author describes the tension between the Enlightenment philosophy and the ‘science of policing’ developed by the Cameralists of the 17th–18th centuries, and emphasizes the significant intellectual contribution of the Enlightenment thinkers, primarily Kant’s legal doctrine, to the radical innovations in the political semantics at the turn of the 18th–19th centuries. Such innovations became the philosophical basis for the rule of law which questioned the discourse of the absolutist state control over its subjects’ welfare by means of police. In the second part, the article presents a brief reconstruction of Fichte’s attempts to combine the old Cameralist ideas with the new modern principles of individual freedoms at the end of the 18th-century era of the science of police — after Kant’s explicit criticism of the state care unauthorized from below. The third part of the article focuses on Hegel’s critique: in the history of the political thought he was often considered an apologist of the authoritarian Prussian state, but questioned the very possibility of the police-scientific idea of the total biopolitical control over social and economic activities of free modern-type individuals. The author reconstructs Hegel’s argumentation of the absurdity of the total sanitary-police regulation as suggested by Fichte, and insists on the relevance of these thinkers, concepts and thematic fields for reconsidering the failure of the Early-Modern biopolitical utopia under the current intersections of lockdowns and sovereignty.

Key words: science of police; philosophy of German idealism; biopolitics; Early-Modern police state; Kant; Fichte; Hegel

Funding

The publication was prepared within the research project of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University — Higher School of Economics “New societal communities of the global world: Affects and cultural legitimization of differences” as a part of the Basic Research Program of the HSE in 2021.

---

* © O.V. Kildyushov, 2022

The article was submitted on 28.11.2021. The article was accepted on 10.06.2022.

References

1. Vindelband V. *Ot Kanta k Nietzsche* [From Kant to Nietzsche]. Moscow; 1998. (In Russ.).
2. Gaidenko P.P. *Filosofiya Fichte i sovremennost* [Philosophy of Fichte and Modernity]. Moscow; 1979. (In Russ.).
3. Hegel G.W.F. *Konstitutsiya Germanii* [The Constitution of Germany]. Hegel G.W.F. *Political Works*. Moscow; 1978. (In Russ.).
4. Hegel G.W.F. *Iz "Konfidentsialnykh pisem o prezhnem gosudarstvenno-pravovom otnoshenii zemli Vaadta (Vo) k gorodu Bernu"* [From "Confidential letters about the former state-legal relationship of the land of Waadt (Vo) to the city of Bern"]. Hegel G.W.F. *Political Works*. Moscow; 1978. (In Russ.).
5. Hegel G.W.F. *Razlichie sistem filosofii Fichte i Schellinga (prodolzhenie)* [The difference between the systems of philosophy of Fichte and Schelling (continued)]. *Kant Collection*. Issue 14. Kaliningrad; 1989. (In Russ.).
6. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Zhizhek S. Hegel i politsejskoe gosudarstvo [Hegel and the police State]. URL: <https://syg.ma/@lacanalia/slavoiv-zhizhek-gieghiel-i-politsieiskoe-ghosudarstvo-otryvok-iz-knighigieghiel-v-podkliuchiennom-mozghie>. (In Russ.).
8. Zellin F. *Politika* [Politics]. *Dictionary of Basic Historical Concepts*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2014. (In Russ.).
9. Kant I. *Metafizika nravov* [Metaphysics of morals]. Kant I. *Collected Works*: in 8 vols. Vol. 6. Moscow; 1994. (In Russ.).
10. Kildyushov O.V. *Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i politsejskoj praktiki* [Police as science and politics: on the birth of modern order from philosophy and police practice]. *Russian Sociological Review*. 2013; 12 (3). (In Russ.).
11. Kildyushov O.V. *Michel Foucault kak issledovatel "politsejskogo gosudarstva": programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya* [Michel Foucault as a researcher of the "police state": Program, heuristic problems, prospects for studying]. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (3). (In Russ.).
12. Filippov A.F. *Epidemiya: pervye sotsiologicheskie posledstviya i perspektivy* [Epidemic: First sociological consequences and prospects]. *Russia in Global Politics*. 2020; 3. (In Russ.).
13. Fichte I.G. *Zamknutoe torgovoe gosudarstvo* [Closed trading state]. Fichte I.G. *Essays*: in 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg; 1993. (In Russ.).
14. Fichte I.G. *Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya* [The Basis of Natural Law According to the Principles of Science]. Moscow; 2014. (In Russ.).
15. Ebel W. *Der Göttinger Professor Johann Stephan Pütter aus Iserlohn* (Göttinger Rechtswissenschaftliche Studien. Band 95). Göttingen; 1975.
16. Foucault M. *Die Politik der Gesundheit im 18. Jahrhundert*. *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. 1996. Band 7. No. 3.
17. Hennis W. *Zum problem der deutschen Staatsanschauung*. Hennis W. *Politik als praktische Wissenschaft. Aufsätze zur politischen Theorie und Regierungslehre*. München; 1968.
18. Kobe Z. *The interface of the universal: On Hegel's concept of the police*. *Philosophy and Society*. 2019; 30 (1).
19. Maier H. *Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre, 2*. München; 1980.
20. Saage R. *Vertragsdenken und Utopie. Studien zur politischen Theorie und zur Sozialphilosophie der frühen Neuzeit*. Frankfurt am Main; 1989.
21. Schnädelbach H. *G.W.F. Hegel*. Hamburg; 1999.
22. Schlözer A.L. *Allgemeines Staatsrecht und Staatsverfassungslehre*. Göttingen; 1793.
23. Stolleis M. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 1: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800*. München; 1988.